PG
3337
.P6Z64

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ПОЛЕВОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

В. БѢЛИНСКАГО.

Санктпетербургъ.

1846.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925

Class _____.

Book _____.

YUDIN COLLECTION

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ПОЛЕВОЙ.

Belinskii, Vissarion Grigor'evich

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ПОЛЕВОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

В. БѢЛИНСКАГО.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

=

1846.

PG 3337
.P6I64

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 25 апрѣля 1846 года.

Цензоръ И. Ивановскій.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ПОЛЕВОЙ.

. . . . На жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ,
Другія имъ вослѣдъ идутъ. . . .

ПУШКИНЪ.

Всякая сфера дѣятельности безконечно-разнообразна и требуетъ различныхъ дѣятелей. Съ перваго взгляда, кажется, что науку можетъ поднять и двинуть впередъ только ученый, поэзію — поэтъ, литературу — литераторъ. Безъ всякаго сомнѣнія, безъ ученыхъ наука не могла бы не только подниматься и двигаться, но даже и существовать, также какъ и поэзія — безъ поэтовъ, литература — безъ литераторовъ; однакожь, тѣмъ не менѣе справедливо и то, что наукѣ, искусству и литературѣ оказывали иногда величайшія услуги люди, которые ничего не писали и не были ни учеными, ни поэтами, ни литераторами. Нужно ли говорить,

какое великое вліяніе на успѣхи литературы можетъ иногда имѣть книгопродавецъ – издатель? Вспомнимъ Новикова. Этотъ человѣкъ, — столь мало у насъ извѣстный и оцѣненный (по причинѣ почти совершеннаго отсутствія публичности), — имѣлъ сильное вліяніе на движеніе русской литературы и, слѣдовательно, русской образованности. Самъ онъ ничего, или почти ничего не писалъ, но онъ обладалъ удивительною способностію заставлять писать другихъ. Владѣя значительными средствами, онъ издавалъ множество книгъ въ такое время, когда у насъ почти вовсе не было книгъ. Но и въ этомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ не какъ книгопродавецъ, хотя въ то время и роль дѣльнаго книгопродавца была бы еще благодѣтельнѣе, нежели какъ могла бы она быть теперь. Нѣтъ! Новиковъ не былъ книгопродавцемъ: нажиться продажею книгъ нисколько не было его цѣлью. Благородная натура этого человѣка постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстію — разливать свѣтъ образованія въ своемъ отечествѣ. И онъ увидѣлъ могущественное средство для достиженія этой цѣли въ распространеніи въ обществѣ страсти къ чтенію. Для чтенія нужны книги и журналы, а ихъ-то и не было тогда. И вотъ Новиковъ издаетъ книги и журналы, всюду ищетъ молодыхъ людей, способныхъ или охотливыхъ къ книжному дѣлу. Знающимъ иностранные языки онъ заказываетъ переводы, у стихотворцевъ печатаетъ стихи, у прозаиковъ — прозу; всѣхъ одобряетъ и понуж-

даетъ, бѣднымъ даетъ средства къ образованію. Кому неизвѣстно, что самъ Карамзинъ многимъ былъ обязанъ Новикову? Еслибы это и несправедливо было приписано Новикову, все же это важный фактъ въ его пользу. Когда явился Пушкинъ, всякое ходячее по рукамъ стихотвореніе, дѣйствительно хорошее, или только казавшееся хорошимъ, приписывалось Пушкину, хотя бы и вовсе не принадлежало ему. Такъ и Новикову приписывалось изданіе всякой книги и одобреніе всякаго таланта: это выразительно указываетъ на его роль на сценѣ русской литературы....

Но эта роль, какъ ни важна и ни велика она, имѣла опредѣленный и ограниченный характеръ. Новикову нужно было, во что̀ бы ни стало, заохотить общество къ чтенію, давши ему средства удовлетворять этой охотѣ — книги и журналы. О направленіи этой охоты онъ не думалъ, да и думать тогда объ этомъ было рано. Онъ печаталъ почти все, что̀ ни писалось, и считалъ за писателя всякого, кто только имѣлъ охоту писать для печати. Новиковъ не былъ архитекторомъ: онъ приготовлялъ только строительные матеріалы и строительныхъ мастеровъ. Давать литературѣ направленіе, дѣйствовать на нее лично, — это роль людей другаго рода. Но и для этой роли — повторяемъ — нужны не одни ученые и поэты.

Три человѣка, нисколько не бывшіе поэтами, имѣли сильное вліяніе на русскую поэзію и вообще русскую изящную литературу, въ три различныя

эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были — Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой.... Каждый изъ нихъ оказалъ свое вліяніе на литературу своимъ особеннымъ образомъ, сообразно съ обстоятельствами и требованіями своего времени.

Ломоносовъ, Карамзинъ — и Полевой!... Какъ многихъ оскорбитъ такое сближеніе именъ! Имена еще до-сихъ-поръ играютъ въ нашей литературѣ чрезвычайно важную роль, потому-что для многихъ еще замѣняютъ онѣ идеи.... Имена въ нашей литературѣ — то же, что чины въ нашей общественной жизни, т. е. легкое *внѣшнее* средство оцѣнять человѣка.... Не всякому дана способность судить вѣрно о качествахъ человѣка и узнавать безошибочно, хорошъ онъ, или нѣтъ. Такъ точно, не всякому дана способность судить вѣрно объ истинномъ значеніи и достоинствѣ писателя; но нѣтъ глупца и невѣжды, который бы, услышавъ громкое или извѣстное имя, не догадался бы тотчасъ же, что это — большой сочинитель. Чѣмъ старѣе имя писателя, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется оно (особенно со стороны людей, никогда не читавшихъ этого писателя), — и поставить съ нимъ рядомъ имя хотя бы и весьма извѣстнаго, но еще живаго, или только недавно умершаго писателя, — значитъ разсердить на-смерть множество людей, которымъ литература, по разнымъ отношеніямъ, близка къ сердцу, а еще болѣе людей, которымъ до литературы вовсе нѣтъ никакого дѣла.... Въ настоящемъ случаѣ, мы дѣлаемъ большой рискъ въ

этомъ отношеніи. Старики, которые и теперь считаютъ Ломоносова, вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Херасковымъ, образцовыми писателями, увидятъ страшную профанацію въ сближеніи имени Полеваго съ именемъ Ломоносова. Но этихъ уже не много, и они будутъ жаловаться про себя и между собою; ихъ дрожащіе голоса не возвысятся среди общества, которое такъ молодо въ отношеніи къ нимъ, что уже не помнитъ пудренныхъ косъ съ кошельками.... Но что̀ скажутъ тѣ, которые съ личностію и эпохою Карамзина сливаютъ воспоминаніе о лучшемъ времени своей жизни; которые, наконецъ, помнятъ въ Полевомъ человѣка, писавшаго противъ Карамзина, хотя и послѣ его смерти.... Что́ скажутъ бывшіе журналисты, современники Полеваго, и многіе писатели и писаки, которыхъ нѣкогда уничтожалъ онъ своимъ журналомъ, и у которыхъ еще цѣлы шрамы, отъ глубокихъ ранъ, нанесенныхъ его перомъ ихъ самолюбію?... Что́ скажутъ всѣ они? — Пусть говорятъ, что хотятъ: страшенъ сонъ да милостивъ Богъ!... Истина выше людей и не должна бояться ихъ, особенно истина объ умершемъ человѣкѣ, могила котораго требуетъ суда, а не осужденія, должной справедливости, а не восторженныхъ похвалъ ложныхъ друзей, или пристрастнаго ропота раненныхъ самолюбій....

За Ломоносовымъ потомство не безъ основанія утвердило имя основателя и отца русской поэзіи и литературы. Что онъ былъ первый, *по времени*,

русскій поэтъ: это также очевидно, какъ и то, что Державинъ былъ первый, *по таланту*, русскій поэтъ. Но Ломоносовъ, натура поэтическая, какъ всякая геніальная натура, тѣмъ не менѣе не былъ поэтомъ. Онъ поэтически чувствовалъ и мыслилъ, но не владѣлъ поэтическимъ даромъ творчества. Лучшая оцѣнка, въ этомъ отношеніи, была сдѣлана ему Пушкинымъ:

«Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между «Петромъ I-мъ и Екатериною II-ою онъ одинъ яв«ляется самобытнымъ сподвижникомъ просвѣще«нія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, луч«ше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ универ«ситетомъ. Но въ семъ университетѣ, профессоръ «поэзіи и элоквенціи не что́ иное, какъ исправный «чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свы́ше, не «ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и «стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои «мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тя«желый. Эта схоластическая величавость полу«славянская, полу-латинская, сдѣлалась-было не«обходимостію; къ-счастію, Карамзинъ освобо«дилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему «свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ «народнаго слова.

«Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображе«нія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ «нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ «въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его «вліяніе на словесность было вредное, и до-сихъ-

«поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изъи-
«скапность, отвращеніе отъ простоты и точности,
«отсутствіе всякой народности и оригинальности—
«вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломо-
«носовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею, и гораз-
«до болѣе заботился о своихъ химическихъ опы-
«тахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высоко-
«торжественный день тезоименитства и проч. Съ
«какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ,
«страстномъ къ своему искусству, *объ этомъ чело-*
«*вѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ*
«*своемъ рифмотворствѣ, не думаетъ*.... Зато, съ
«какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о про-
«свѣщеніи».

Въ этихъ словахъ видѣнъ взглядъ удивительно-вѣрный, но тѣмъ не менѣе односторонній. «Влія-
«ніе Ломносова на словесность было вредное и
«до-сихъ-поръ въ ней отзывается» : это такъ и не такъ въ одно и то же время. Подъ статьею Пушкина не выставлено года, когда она написана, и потому, намъ слѣдуетъ ограничиться увѣренностію, что она была написана не раньше 1836 года, — десять или около того лѣтъ назадъ тому. Въ Россіи все идетъ скоро, и десять лѣтъ для насъ — много времени. Въ новой школѣ, которую, сами враги ея почтили именемъ «натуральной» нѣтъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ Ломоносовскаго вліянія, слѣдовательно, оно уже прошло. Даже въ старой школѣ видно устарѣлое вліяніе Карамзина, но уже не Ломоносова. Если вліяніе послѣдняго и

было вредно, все же оно не было зломъ неизлечимымъ. Съ другой стороны, если и нельзя не согласиться, что вліяніе Ломоносова на русскую литературу было вредное, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы оно не было необходимо. А что необходимо, то уже полезно, хотя бы съ другой стороны и было вредно. Во время Ломоносова намъ не нужно было народной поэзіи: тогда великій вопросъ — *быть или не быть*, заключался для насъ не въ народности, а въ европеизмѣ. Далеко ли ушелъ бы Ломоносовъ въ наукѣ, если бы, оставивъ безъ вниманія ея успѣхи въ Европѣ, сталъ хлопотать о наукѣ русской, рѣшился бы сдѣлаться не нововводителемъ въ этой области, а продолжателемъ трудовъ россійскихъ книжниковъ и мудрецовъ, до него бывшихъ?... Первымъ благодѣтельнымъ слѣдствіемъ возникавшей тогда литературы долженствовало быть отрѣшеніе общества не отъ національности, а отъ непосредственнаго, или безсознательнаго характера этой національности. Мы должны были на время перестать быть Русскими, чтобы потомъ сознательно сдѣлаться Русскими. Что вліяніе Ломоносова на литературу было надолго вредно, — это правда; но развѣ не правда и то, что и результаты реформы Петра Великаго были, во многихъ отношеніяхъ, временно вредны? Однакожъ изъ этого вѣдь не слѣдуетъ, чтобы реформа Петра Великаго не была въ высочайшей степени полезна и благодѣтельна для Россіи? — Ломоносовъ былъ Петромъ Великимъ нашей литературы.

Отъ его сочиненій (кромѣ ученыхъ) ничего не осталось теперь для нашего наслажденія; но многое ли осталось теперь, и отъ учрежденій Петра Великаго, и похожа ли сколько-нибудь Россія нашего времени на Россію Петра Великаго? А между-тѣмъ, Россія нашего времени все-таки твореніе Петра Великаго....

Сужденіе Пушкина о Ломоносовѣ очень вѣрно, какъ отвѣтъ на безсознательно-восторженныя возгласы слѣпыхъ почитателей Ломоносова, которые и теперь, вопреки всякой очевидности, упорно хотятъ видѣть въ немъ не только поэта, но еще и великаго поэта, тогда-какъ въ сущности онъ не былъ ни то, ни другое; но какъ окончательный приговоръ надъ Ломоносовымъ, сужденіе о немъ Пушкина — повторяемъ — односторонне. Имя основателя и отца русской литературы и поэзіи по праву принадлежитъ этому великому человѣку. Натура по преимуществу практическая, онъ былъ рожденъ реформаторомъ и основателемъ. Не приписывая непринадлежащаго ему титла поэта, нельзя не видѣть, что онъ былъ превосходный стихотворецъ (версификаторъ). Если прибавить къ этому его глубокое знаніе русскаго языка (хотя по духу и потребностямъ своего времени, онъ и старался придавать ему полу-славянскую и полу-латинскую величавость), — то нельзя не согласиться, что, въ отношеніи къ стиху, можно подумать, что Державинъ жилъ и писалъ прежде Ломоносова. Этого мало: въ нѣкоторыхъ стихахъ Ломоносова,

не смотря на ихъ декламаторскій и напыщенный тонъ, промелькиваетъ иногда поэтическое чувство — отблескъ его поэтической души. Въ словахъ нашихъ нѣтъ противорѣчія : живая натура — всегда поэтическая натура, хотя изъ этого и нисколько не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ съ живою натурою былъ непремѣнно поэтъ : иначе и изъ Наполеона легко было бы сдѣлать поэта, и имя его внести въ исторію французской поэзіи.... Метрика, усвоенная Ломоносовымъ нашей поэзіи, есть большая заслуга съ его стороны. Нѣкоторые думаютъ, что ямбы, хореи, дактили, амфибрахіи и анапесты несвойственны просодической натурѣ русскаго языка. Говорятъ, будто самъ Пушкинъ въ послѣдствіи ставилъ себѣ въ вину, что своими дивными стихами окончательно и безвозвратно утвердилъ эти размѣры за русскою поэзіею, и будто онъ хотѣлъ воротиться къ размѣрамъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, для чего и написалъ свою *Сказку о Рыбакѣ и Рыбкѣ*. Если это правда, — это была ошибка со стороны великаго поэта. Метръ народныхъ пѣсенъ былъ хорошъ для выраженія бѣднаго круга понятій, выражаемыхъ ими: но и въ этомъ кругѣ онъ далеко не изчерпывалъ просодическаго богатства русскаго языка; для выраженія же новой безконечно-разнообразной и широкой сферы понятій, онъ былъ бы совершенно недостаточенъ и крайне однообразенъ. Версификація Ломоносова не даромъ удержалась : она сродна духу русскаго языка и са-

ма въ себѣ носила свою силу; отъ этого всѣ попытки замѣнить ее были и будутъ безплодны.

Что̀ касается до славяно-латино-нѣмецкихъ періодовъ Ломоносова, напыщенности его рѣчи, — намъ теперь до всего этого такъ же малодѣла, какъ и до странныхъ костюмовъ эпохи Петра Великаго: то и другое замѣнено теперь лучшимъ. По словамъ Пушкина, Карамзинъ *къ-счастію* освободилъ нашъ языкъ отъ чуждаго ига. Слово: *къ-счастію* указываетъ какъ бы на случайность, тогда-какъ тутъ была необходимость, и Карамзинъ, — или кто бы ни былъ, лишь бы съ такими же способностями, — не могъ бы, послѣ Ломоносова, сдѣлать ничего другаго, кромѣ этого освобожденія языка отъ чуждаго ига. Карамзинъ, разрушивъ дѣло Ломоносова, тѣмъ самымъ только продолжалъ его. Великій реформаторъ приходитъ не съ тѣмъ, чтобы разрушить, а съ тѣмъ, что создать, разрушая....

Но точно ли Карамзинъ возвратилъ свободу нашему языку и обратилъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова? Извѣстно, что его прозаическій слогъ дѣлится на двѣ эпохи — до-историческую и историческую, т. е. что слогъ его *Исторіи Государства Россійскаго* рѣзко отличается отъ слога всѣхъ его сочиненій, предшествовавшихъ ей. До-историческій слогъ Карамзина былъ великимъ шагомъ впередъ со стороны и языка литературы русской: въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но не менѣе несомнѣнно и то̀, что это слогъ да-

леко еще не русскій, хотя и несравненно болѣе свойственный духу русскаго языка, нежели слогъ Ломоносова. Скажемъ болѣе: не безъ причины восхищавшій современниковъ, до-историческій слогъ Карамзина теперь блѣденъ и безцвѣтенъ. Онъ относится къ настоящему русскому слогу, какъ языкъ новѣйшихъ латинистовъ къ языку Горація и Тацита. Въ немъ и для иностранца, учащагося по-русски, будетъ все просто и легко, потому-что иностранецъ не встрѣтитъ въ немъ того, что́ называется идіотизмами, т. е. чисто-русскихъ оборотовъ, или руссизмовъ. Историческій же слогъ Карамзина слишкомъ отзывается искусственною поддѣлкою подъ языкъ лѣтописей, и слишкомъ не лишенъ реторическаго оттѣнка. Впрочемъ, все это мы говоримъ не для униженія великаго подвига Карамзина, а какъ бы въ отвѣтъ на слова Пушкина, чтобы показать, что и Карамзинъ не сдѣлалъ всего, какъ не сдѣлалъ всего Ломоносовъ, и, что относительно, потомство въ правѣ обвинять и Карамзина въ тѣхъ же недостаткахъ, въ какихъ обвиняетъ Пушкинъ Ломоносова; но что тотъ и другой — и Ломоносовъ и Карамзинъ — оба сдѣлали именно то́, что́ нужно было сдѣлать въ ихъ время и, слѣдовательно, обоимъ имъ равно принадлежитъ вѣчная честь великаго подвига....

Карамзинъ явился въ то самое время, когда направленіе, данное Ломоносовымъ литературѣ, такъ сказать, истощило само-себя и обратилось въ застой. Въ духѣ этого направленія уже ничего нель-

зя было дѣлать. Въ самой литературѣ, обнаружилась ему реакція: языкъ и самый характеръ сочиненій Фонвизина уже отошли отъ Ломоносовскаго типа. Позднѣе, Макаровъ, независимо отъ Карамзина, началъ переводить и писать языкомъ, совершенно Карамзинскимъ. Нуженъ былъ только человѣкъ, который, по своимъ интеллектуальнымъ средствамъ, былъ бы способенъ завладѣть общественнымъ мнѣніемъ и стать во главѣ литературнаго движенія. Такимъ человѣкомъ явился Карамзинъ. Онъ былъ для своей эпохи всѣмъ: и реформаторомъ, и теоретикомъ, и практикомъ, и стихотворцемъ, и прозаикомъ, и поэтомъ, и журналистомъ, лирикомъ, сказочникомъ, нувеллистомъ, археологомъ. Его стихи учились наизустъ, его повѣсти, особенно *Бѣдная Лиза* и *Марѳа Посадница*, сводили съ ума всю публику. И хотя Карамзинъ нисколько не былъ поэтомъ, тѣмъ не менѣе этотъ успѣхъ былъ вполнѣ заслуженный. Его *Письма русскаго Путешественника* познакомили тогдашнее общество съ Европою, которая только для высшаго слоя его не была terra incognita, — и въ этомъ отношеніи Карамзинъ былъ истиннымъ Колумбомъ. Письма Фонвизина изъ Франціи были несравненно дѣльнѣе *Писемъ русскаго Путешественника*, но онѣ не могли произвести на общество такого вліянія, потому-что были понятны только для людей, знакомыхъ съ состояніемъ дѣлъ въ Европѣ того времени, а всѣмъ другимъ могли сообщить о ней самое превратное понятіе. Письма

Фонвизина такъ дѣльны, что только теперь настало время для ихъ настоящей оцѣнки. Но во времена переходныя, въ эпохи преобразованій, часто бываютъ нужнѣе и полезнѣе тѣ легкія произведенія, которыя, могущественно увлекая толпу, тотчасъ умираютъ, какъ скоро сдѣлаютъ свое дѣло. И вотъ гдѣ самая слабая, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая важная сторона литературной дѣятельности Карамзина. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, творенія которыхъ всегда свѣжи и юны, не знаютъ ни старости, ни смерти. Нѣтъ, къ чему лицемѣрить! *Бѣдная Лиза, Наталья Боярская Дочь, Счастливый Карло, Марѳа Посадница, Островъ Борнгольмъ*, — всѣ эти и другія повѣсти Карамзина для однихъ теперь дороги только какъ воспоминаніе о свѣтлыхъ дняхъ юности, какъ память о сказочкѣ нянюшки, подъ разсказъ которой когда-то сладко было засыпать; для другихъ онѣ интересны какъ стародавніе костюмы, какъ факты образованія и развитія общества во времена давнопрошедшія; но читать ихъ для эстетическаго наслажденія, читать ихъ какъ поэтическія произведенія теперь никто не будетъ.... Еще въ то время, когда авторитетъ Карамзина только стремился къ своей апогеѣ, равно какъ и въ то время, когда онъ достигъ ея, появились Крыловъ, Жуковскій и Батюшковъ — поэты по натурѣ, люди призванные давать неувядаемые образцы настоящей поэзіи, а не преходящей бельлетристики только. Имя Пушкина уже прогремѣло по всей Россіи, когда умеръ Карамзинъ....

Но все это служитъ не къ уменьшенію заслугъ Карамзина, а къ опредѣленію рода и характера его литературной дѣятельности. Если его творенія, какъ говорится, отжили свое время, тѣмъ не менѣе имя его всегда будетъ знаменито и почтенно, если хотите — безсмертно: его навсегда сохранитъ не только исторія литературы, но и благодарная память образованной части народа русскаго.

Новиковъ старался распространить въ русскомъ обществѣ охоту къ чтенію *множествомъ* книгъ; Карамзинъ дѣлалъ то же самое, но уже *заманчивостію* сочиненій. Удивительно ли, что онъ болѣе Новикова успѣлъ въ своемъ дѣлѣ? Онъ создалъ въ Россіи многочисленный, въ сравненіи съ прежнимъ, классъ читателей, создалъ, можно сказать, нѣчто въ родѣ публики, потому-что образованный имъ классъ читателей получилъ уже извѣстное направленіе, извѣстный вкусъ, слѣдовательно, отличался болѣе или менѣе характеромъ единства. До Карамзина этого не было на Руси. Его читатели относились къ прежнимъ, какъ относятся люди съ гастрономическими замашками къ людямъ, которые безъ разбору ѣдятъ все, что̀ ни поставятъ передъ ними, ни чѣмъ особенно не услаждаясь, ни чѣмъ не оскорбляясь. Это былъ безмѣрный шагъ впередъ. Повѣсти Карамзина, извлекшія столько слезъ изъ очей его нѣжныхъ читательницъ, и столько вздоховъ изъ груди его чувствительныхъ читателей, нисколько не были произведеніями поэзіи, какъ искусства, какъ творчества; но тѣмъ не

менѣе онѣ были для своего времени прекрасными бельлетристическими произведеніями человѣка съ большимъ дарованіемъ. Самая сантиментальность направленія вообще всего, написаннаго Карамзинымъ, имѣетъ свое великое достоинство: она была необходима, какъ для своего времени была необходима схоластическая напыщенность Ломоносова. Это было новою ступенью, новымъ шагомъ впередъ начавшей развиваться литературы. До Карамзина, у насъ были періодическія изданія, но не было ни одного журнала: онъ первый далъ намъ его. Его *Московскій Журналъ* и *Вѣстникъ Европы* были для своего времени явленіемъ удивительнымъ и огромнымъ, особенно если сравнить ихъ не только съ бывшими до нихъ, но и съ бывшими послѣ нихъ на Руси журналами, до самаго *Московскаго Телеграфа*.... Какое разнообразіе, какая свѣжесть, какой тактъ въ выборѣ статей, какое умное, живое передаваніе политическихъ новостей, столь интересныхъ въ то время! Какая, по тому времени, умная и ловкая критика!

Къ чему ни обратитесь въ нашей литературѣ, — всему начало положено Карамзинымъ: журналистикѣ, критикѣ, повѣсти-роману, повѣсти исторической, публицизму, изученію исторіи. Мы не говоримъ уже о его стихотворствѣ, имѣвшемъ большую цѣну для своего времени; ни о его *Исторіи Государства Россійскаго*, положившей начало дѣльному, ученому изученію русской исторіи и давшей для этого возможность. Въ *Исторіи Государства*

Россійскаго — весь Карамзинъ, со всею огромностію оказанныхъ имъ Россіи услугъ и со всею несостоятельностію на безусловное достоинство въ будущемъ своихъ творепій. Причина этого — повторяемъ — заключается въ родѣ и характерѣ его литературной дѣятельности. Если онъ былъ великъ, то не какъ художникъ-поэтъ, не какъ мыслитель-писатель, а какъ практическій дѣятель, призванный проложить дорогу среди непроходимыхъ дебрей, расчистить арену для будущихъ дѣятелей, приготовить матеріалы, чтобы геніальные писатели въ разныхъ родахъ не были остановлены на ходу своемъ необходимостью предварительныхъ работъ. Державинъ былъ геніальный поэтъ по своей натурѣ, но если онъ не явился такимъ же по своимъ твореніямъ, — это потому именно, что прежде его былъ только Ломоносовъ, а не Карамзинъ, — тогда-какъ для Пушкина было большимъ счастіемъ явиться уже на закатѣ дней Карамзина.... Это вполнѣ опредѣляетъ нашу мысль о сущности дѣятельности и заслугъ Карамзина. Онъ, сказали мы, создалъ на Руси если еще не публику, то возможность публики, нѣчто въ родѣ публики: подвигъ великій, но для котораго требовался не геній, обыкновенно устремляющій всѣ силы свои въ одну сторону, на одинъ предметъ, а энциклопедическій, разнообразный талантъ.

Сильно было движеніе, сообщенное нашей литературѣ Карамзинымъ. И оно принесло свои плоды. При полномъ владычествѣ и очарованіи имени

Карамзина, тихо и незамѣтно возникало то новое, которое должно было смѣнить собою Карамзинскую эпоху. Но новый духъ не сознавалъ своихъ правъ и охотно подчинялся вліянію Карамзина. Крыловъ считался не больше, какъ замѣчательнымъ *послѣ Дмитріева* баснописцемъ, и дѣйствительно, самобытность его таланта проявлялась только изрѣдка; но большею частію, онъ или подражалъ въ своихъ басняхъ Лафонтену, или морализировалъ въ нихъ въ пользу и назиданіе дѣтей. Жуковскаго, пересадившаго романтизмъ на почву русской литературы, всѣ похваливали, но немногіе подозрѣвали его истинное значеніе. Батюшковъ, основатель пластически-художественнаго элемента въ русской поэзіи, восхищалъ своихъ современниковъ со всѣмъ не тѣмъ, что̀ составляло величайшее достоинство его музы, родственной музѣ эллинской. Всѣ эти люди смотрѣли на Карамзина, какъ на своего учителя и хорега; всѣ они находились подъ вліяніемъ его идей. Очевидно, что это была школа, или, лучше сказать, это были школы новыя, но переходныя и потому не рѣшительныя, изъ которыхъ ни одна не была въ силахъ стоять въ главѣ движенія и руководить имъ. Все какъ будто колебалось между прошедшимъ и будущимъ, и только ждало человѣка, который сдѣлалъ бы рѣшительный шагъ. И этотъ человѣкъ не замедлилъ явиться: то былъ Пушкинъ.... Съ нимъ явилась новая школа поэзіи, не совсѣмъ удачно провозглашенная «романтическою»....

Съ Пушкинымъ почти исчезли изъ русской поэзіи всѣ слѣды карамзинскаго направленія. Новое время и новое положеніе вещей дали поэту той эпохи другое направленіе. Но онъ былъ силенъ не столько силою времени, сколько своею глубоко-художественною натурою : вотъ что̀ съ перваго же шагу эманципировало его отъ вліянія Карамзина. Первоначальному направленію своему онъ измѣнилъ въ послѣдствіи, именно потому, что источникъ его скрывался въ современности, а не въ натурѣ его. Какъ человѣкъ, Пушкинъ отразилъ на себѣ всю неопредѣленность и шаткость направленій и убѣжденій своего времени, и въ умѣ его какъ-то странно уживались вмѣстѣ тенденціи поэта и помѣщика, человѣка и дворянина, мѣщанина и аристократа. Какъ поэтъ, Пушкинъ противорѣчилъ себѣ какъ человѣку, по-крайней-мѣрѣ, вездѣ, гдѣ былъ онъ вѣренъ своей артистической натурѣ, гдѣ онъ былъ преимущественно художникомъ. Повторяемъ : сила его всегда была въ его художественной натурѣ. Становясь человѣкомъ (лицомъ частнымъ — particulier), онъ суевѣрно благоговѣлъ предъ карамзинскими идеями; становясь поэтомъ, онъ опережалъ ихъ на цѣлые вѣки...

Пушкинъ былъ главою поэтическаго движенія. Но времена перемѣнились : если уже бельлетристъ-публицистъ не могъ быть главою литературной эпохи, то и одинъ поэтъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, уже не могъ удовлетворить собою всѣмъ требованіямъ эпохи. До какой степени эта эпоха

рѣзко отдѣлилась отъ предшествовавшей, можно видѣть изъ обстоятельствъ появленія Пушкина на литературное поприще. Прежде всѣ поэты принимались безусловно, и каждому, кому только ни захотѣлось бы въ поэтическіе боги, готово было почетное мѣсто въ капищѣ поэзіи. Когда явился Карамзинъ, ограниченный кругъ тогдашнихъ читальщиковъ почти съ равнымъ восторгомъ произносилъ имена Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина. Самъ Карамзинъ высоко поставилъ Богдановича. Первые опыты Карамзина приняты были всѣми съ восхищеніемъ. Появленіе Жуковскаго и Батюшкова не возбудило никакого ропота. И только нѣкоторыя сомнѣнія въ безусловномъ достоинствѣ Сумарокова и Хераскова, обнаруженныя Мерзляковымъ (1815 года), да юношески-рьяная нападка на Хераскова со стороны студента Строева (*), нѣсколько нарушили аркадскую безмятежность, съ которою весь пишущій людъ пользовался заслуженною и незаслуженною славою. Явившись на поприще литературной дѣятельности, Карамзинъ принялъ всѣ авторитеты; по-крайней-мѣрѣ, не счелъ нужнымъ возставать противъ тѣхъ, которыхъ не признавалъ втайнѣ. Самъ онъ былъ вполнѣ главою литературной эпохи, и, изъ новыхъ писателей, только Дмитріеву

(*) Теперь почтеннаго археолога. Въ 1815 году, онъ издавалъ журналъ: *Современный наблюдатель россійской словесности*, въ которомъ отъ него порядкомъ и дѣльно досталось *Россіядѣ* и *Владиміру*, къ величайшему соблазну литературныхъ старовѣровъ.

уступалъ пальму первенства въ стихотворствѣ. Во всемъ прочемъ онъ безусловно первенствовалъ въ литературѣ и былъ въ ней не только первымъ литераторомъ, но и первымъ поэтомъ, какъ нувелистъ-романистъ. И это первенство было безусловно признано всѣми. Нападки на Карамзина славенофиловъ того времени, подъ предводительствомъ Шишкова, касались одного языка и были притомъ слишкомъ ничтожны сами-по-себѣ, потому-что на сторонѣ пуристовъ были только книжники, а на сторонѣ Карамзина вся публика. Не такъ былъ принятъ Пушкинъ. Онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы тотчасъ же быть понятымъ и оцѣненнымъ всѣми. И потому, его встрѣтили, съ одной стороны восторженные клики молодаго поколѣнія, а съ другой — ожесточенная брань теоретиковъ и людей привычки, для которыхъ хорошо все старое, и дурно все новое. Притомъ же, хотя поэзія Пушкина, въ смыслѣ историческаго развитія, и была такъ сказать, результатомъ поэтическихъ усилій всѣхъ прежде него бывшихъ поэтовъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова, — тѣмъ не менѣе однакожъ она была и ихъ отрицаніемъ. По-крайней-мѣрѣ, такъ могло казаться съ перваго взгляда. Тогда естественно многимъ могла притти въ голову такая диллема: «Если сочи«ненія Пушкина, писанныя вопреки всѣмъ прави«ламъ, извлеченнымъ изъ твореній великихъ ге«ніевъ и утвержденнымъ вѣками; если онѣ — ис«тинныя поэтическія произведенія, — то произве-

«денія нашихъ великихъ поэтовъ (Ломоносова, Су-«марокова, Хераскова, Петрова, Державина, Бог-«дановича), писанныя по вѣковымъ правиламъ, уже «не истинныя поэтическія творенія». Это ихъ по инстинкту рѣшило не признавать въ Пушкинѣ поэта, или по-крайней-мѣрѣ, видѣть въ немъ не болѣе, какъ обыкновенный талантъ, способный писать только безъ правилъ. Съ своей стороны, восторженные почитатели Пушкина, естественнымъ образомъ доходили до такой же несправедливости въ отношеніи къ его предшественникамъ на поэтическомъ поприщѣ. Такъ всегда раздѣляетъ людей на двѣ крайнія стороны всякая рѣзкая реформа. Тогда литература стала вопросомъ, съ которымъ незамѣтно слились многіе вопросы о жизни. Вопросъ долженъ былъ родить живые споры, упорныя битвы за мнѣнія, ареною которыхъ должна была сдѣлаться журналистика.

Теперь понятна роль Полеваго въ нашей литературѣ. Она условливалась обстоятельствами. По роду своихъ способностей, Полевой имѣлъ большое сходство съ Карамзинымъ: его доставало на все — на повѣсть, на романъ, на драму, на стихи, на исторію. Но играть первую роль въ литературѣ для него было уже невозможно, потому-что тогда былъ Пушкинъ, а при истинномъ великомъ поэтѣ, нельзя играть роль поэта человѣку, не рожденному поэтомъ. Сверхъ-того, Полевой, въ вопросѣ о поэзіи, находился подъ вліяніемъ Пушкина, какъ живой практики всѣхъ теорій о поэзіи; но Пушкинъ, въ

этомъ отношеніи, ни съ какой стороны не могъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ, потому-что самъ могъ черпать идеи изъ того же источника, который служилъ всякому журналисту: т. е. изъ личнаго знакомства съ иностранными литературами. Въ этомъ отношеніи, Пушкинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своей эпохи, и ужь, конечно, не изъ русскихъ журналовъ могъ учиться и слѣдить за ходомъ европейскаго развитія.

Но не смотря на это, Полевому предстояла роль дѣятельная и блестящая, вполнѣ сообразная съ его натурою и способностями. Онъ былъ рожденъ на то, чтобъ быть журналистомъ, и былъ имъ по призванію, а не по случаю. Чтобъ оцѣнить его журнальную дѣятельность и ея огромное вліяніе на русскую литературу, необходимо взглянуть на состояніе, въ которомъ находилась тогда литература и особенно журналистика. Первые опыты Пушкина огласились во всей Россіи, проникли во всѣ ея захолустья, въ которыя дотолѣ проникали только буквари и сонники. Масса читателей увеличилась, чрезъ это, по-крайней-мѣрѣ въ-десятеро, и стала походить на публику. Вездѣ чувствовалась потребность въ опредѣленномъ вкусѣ, слѣдовательно, и въ теоріи. А этого-то тогда и не было. Всѣ авторитеты стояли на неприступной высотѣ; Сумарокова считали великимъ писателемъ, между Ломоносовымъ и Державинымъ не видѣли никакой разницы; басни Крылова считались ниже басенъ Дмитріева. Великихъ писателей было безъ счету, и объ нихъ

позволялось говорить однѣ только похвальныя фразы, которыя давно уже обратились въ общія мѣста. Литературные нравы вполнѣ соотвѣтствовали такимъ литературнымъ понятіямъ. Молодой человѣкъ, желавшій попасть въ писатели, долженъ былъ прежде всего найти себѣ мецената, или между знаменитыми писателями, или между знаменитыми покровителями литературы, за тѣмъ долженъ былъ добиться лестной чести — попасть на литературные вечера своего мецената. Тамъ предстоялъ ему долгій искусъ: прежде всего онъ обязанъ былъ «не смѣть свое сужденіе имѣть»; его дѣло было слушать умныя рѣчи опытныхъ людей, молча или словесно во всемъ соглашаться съ ними. Только со временемъ, уже пріобрѣтя лестную репутацію грибоѣдовскаго Молчалина, могъ онъ дерзнуть попросить позволенія — прочесть свое первое произведеніе. Прочтя его, онъ выслушивалъ критику и совѣты, обязанъ былъ перемѣнять, переправлять и передѣлывать каждую строку, каждое слово, которое не одобрялось кѣмъ-либо изъ опытныхъ и почтенныхъ знатоковъ словесности. Сто разъ передѣланное и переправленное его дѣтище поступало наконецъ въ печать. Еще лѣтъ десятокъ—и литература русская обогащалась, въ лицѣ этого новиціанта, или писателемъ съ талантомъ, но уже безъ всякой самостоятельности, или дюжиннымъ писакою. Во всякомъ случаѣ, онъ поступалъ тогда, съ благословенія своихъ меценатовъ, въ число опытныхъ и знаменитыхъ писателей, — и всѣ вѣрили,

что онъ — большой писатель, потому-что за него ручались не его сочиненія, а такіе знаменитые авторитеты. За тѣмъ, онъ самъ попадалъ въ авторитеты и въ меценаты, и въ отношеніи къ другимъ игралъ такую же курьёзную роль, какую играли въ отношеніи къ нему знаменитости, которыя «вывели его въ люди». Теперь это невѣроятно, а тогда было такъ!

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Всякое независимое, самобытное мнѣніе, всякій свѣжій голосъ, все, что̀ не отзывалось рутиною, преданіемъ, авторитетомъ, общимъ мѣстомъ, ходячею фразою, — все это считалось ересью, дерзостью, чуть не буйствомъ....

А журналы тогдашніе?.... *Вѣстникъ Европы*, вышедши изъ-подъ редакціи Карамзина, только подъ кратковременнымъ завѣдываніемъ Жуковскаго напоминалъ о своемъ прежнемъ достоинствѣ. За тѣмъ, онъ становился все суше, скучнѣе и пустѣе, наконецъ, сдѣлался просто сборникомъ статей, безъ направленія, безъ мысли, и потерялъ совершенно свой журнальный характеръ. Конечно, всегда, даже въ самые худшіе годы свои, былъ онъ лучше всѣхъ журналовъ, существовавшихъ въ Россіи до *Московскаго Журнала*, издававшагося Карамзинымъ въ 1791 и 1792 годахъ. И не диво: благодаря Карамзину, ему и не было возможно быть хуже ихъ; но онъ долженъ былъ бы считать своею обязанностію быть лучше даже карамзинскаго

Вѣстника Европы, потому-что съ-тѣхъ-поръ, какъ Карамзинъ оставилъ его (съ 1804 года), много прошло времени, и отъ издателя уже не требовалось таланта Карамзина, чтобы возвысить и улучшить начатый имъ журналъ. Но вышло не такъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, *Вѣстникъ Европы* былъ идеаломъ мертвенности, сухости, скуки и какой-то старческой заплѣсневѣлости. О другихъ журналахъ не стоитъ и говорить: иные изъ нихъ были, сравнительно, лучше *Вѣстника Европы*, но не какъ журналы съ мнѣніемъ и направленіемъ, а только какъ сборники разныхъ статей. *Сынъ Отечества* даже принималъ на свои, до крайности сѣрые и жосткіе, листки стихотворенія Пушкина, Баратынскаго и другихъ поэтовъ новой тогда школы, даже открыто взялъ на себя обязанность защищать эту школу; но тѣмъ не менѣе самъ онъ представлялъ собою смѣсь стараго съ новымъ и отсутствіе всякихъ началъ, всего, что́ похоже на опредѣленное и ни въ чемъ не противорѣчащее себѣ мнѣніе. Какъ судилъ и рядилъ *Сынъ Отечества* объ искусствѣ даже въ-послѣдствіи, можно видѣть изъ его опредѣленія *романтизма*, который по его мнѣнію, начался съ Байрона и отличается отъ классицизма тѣмъ, что начинаетъ съ половины или даже съ конца дѣла!...

Вообще должно замѣтить, что война за такъ-называемый романтизмъ противъ такъ-называемаго классицизма была начата не Полевымъ. Романтическое броженіе было общимъ между молодежью

того времени. Острыя и бойкія полемическія статейки Марлинскаго противъ литературныхъ старовѣровъ, печатавшіяся въ *Сынѣ Отечества*, и его же такъ-называемыя обзоры русской словесности, печатавшіеся въ извѣстномъ тогда альманахѣ; трехъмѣсячный сборникъ *Мнемозина*, — все это выразило собою совершенно новое направленіе литературы, котораго органомъ былъ *Телеграфъ*, и все это нѣсколькими годами упредило появленіе *Телеграфа*. Слѣдовательно, Полевой не былъ ни первымъ, ни единственнымъ представителемъ новаго направленія русской литературы, какъ Карамзинъ былъ въ свое время первымъ и почти единственнымъ представителемъ новаго направленія, почти имъ же однимъ и произведеннаго, потому-что подлѣ его имени, въ этомъ дѣлѣ, можно вспомнить только два другихъ имени — Макарова и Дмитріева. Но это ни сколько не уменьшаетъ заслуги Полеваго : мы увидимъ, что онъ съумѣлъ, на своемъ пути, стать выше всѣхъ соперничествъ и даже восторжествовать въ борьбѣ противъ всѣхъ враждебныхъ соревнованій....

Романтизмъ — вотъ слово, которое было написано на знамени этого смѣлаго, неутомимаго и даровитаго бойца, — слово, которое отстаивалъ онъ даже и тогда, когда потеряло оно свое прежнее значеніе и когда уже не было противъ кого отстаивать его!... Что же такое этотъ «романтизмъ», который наполнялъ собою цѣлую литературную эпоху, за который было столько чернильныхъ войнъ,

столько полемическихъ битвъ на жизнь и на смерть? Когда мы впервые услышали это слово, въ европейскихъ литературахъ уже давно кипѣли страшныя войны за него. Но не вездѣ онъ имѣлъ одинаковое значеніе. Первое движеніе въ его пользу обнаружилось въ Германіи, какъ реакція вліянію французской литературы, какъ протестъ въ пользу нѣмецкой національности въ литературѣ. Въ своей настоящей, современной дѣйствительности, Германія не видѣла, по извѣстнымъ причинамъ, никакихъ національныхъ элементовъ и обратилась къ своему прошедшему, къ своимъ среднимъ вѣкамъ, къ рыцарскимъ замкамъ, съ ихъ башнями и подъемными мостами, съ ихъ поэтическимъ варварствомъ и романтическою дикостью ихъ нравовъ. Гёте и Шиллеръ не были вполнѣ представителями этого романтическаго движенія, но заплатили ему не малую дань, особенно послѣдній. Потомъ нѣмецкій романтизмъ началъ принимать новое направленіе, какъ реакція сухой и обнаженной простоты протестантизма, какъ усиліе въ пользу мистицизма среднихъ вѣковъ и противъ философскаго раціонализма. Жаркими поборниками этого направленія явились братья Шлегели. Думая найти всякую опору своимъ теоріямъ въ посредственномъ, но за то ультра-романтическомъ поэтѣ Тикѣ, они провозгласили его великимъ поэтомъ и даже имѣли жалкую смѣлость противопоставлять его Гёте. Теперь эта затѣя не больше, какъ воспоминаніе: романтизмъ, на время искусственно воскрешенный, давно уже вновь опочилъ

сномъ непробуднымъ, Шлегелей пѣтъ, а Тику удивляется только рѣдѣющая толпа стариковъ, скудно вознаграждая его этимъ удивленіемъ за насмѣшки и презрѣніе молодыхъ поколѣній.... Въ Въ Англіи романтизмъ былъ освобожденіемъ отъ вліянія французскаго классицизма, принятаго школою Попе, Адиссона и Драйдена. Байронъ и не думалъ быть романтикомъ въ смыслѣ поборника среднихъ вѣковъ : онъ смотрѣлъ не назадъ, а впередъ.... Романтизмъ во Франціи сперва былъ реакціею революціонному раціонализму, и явился въ ней съ Шатобріаномъ, этимъ рыцаремъ Реставраціи. Потомъ французскій романтизмъ превратился въ простой, чисто-литературный вопросъ о свободѣ поэтическихъ формъ, до уродливости сжатыхъ и искаженныхъ прежнимъ классицизмомъ. Въ сущности, дѣло тутъ шло о томъ, которая школа натуральнѣе — Рассина или Шекспира, и можно ли, въ трагедіи, вводить лица нисшихъ сословій, и патетическое мѣшать съ комическимъ. Представителемъ этого романтическаго движенія во Франціи былъ Викторъ Гюго, поэтъ даровитый, но отнюдь не геніяльный, болѣе богатый воображеніемъ, нежели тактомъ истины. По чувству противорѣчія, онъ дошелъ до величайшихъ нелѣпостей : вмѣсто того, чтобы отрицать въ прежней псевдо-классической школѣ однѣ ея крайности, онъ почелъ за нужное итти ей наперекоръ даже и въ томъ, что́ составляло ея истинное и высокое достоинство, что́ дѣлало ее глубоко-національною : чувство мѣры и

постоянное присутствіе того, что́ французы называютъ le bon sens. Онъ дошелъ до того, что гордо объявилъ чудовищное прекраснымъ : le laid, c'est le beau... Подчиняясь нѣмецкому вліянію, онъ ринулся въ средніе вѣка, но вынесъ оттуда только однѣ нелѣпыя преувеличенія. Гюго имѣлъ свою минуту торжества, но давно уже во Франціи и онъ и романтизмъ не больше, какъ преданіе.... Свобода формы выиграна и утверждена, и теперь никто не держится тамъ условныхъ и стѣснительныхъ формъ псевдо-классицизма, но за это никого уже не называютъ тамъ «романтикомъ».

Само-собою разумѣется, что у насъ романтизмъ не могъ имѣть никакого соотношенія ни съ католицизмомъ, ни съ средними вѣками. Онъ могъ бы еще быть стремленіемъ къ лирической, субъективной настроенности въ поэзіи, усиліемъ сдѣлать поэзію выраженіемъ преимущественно внутреннихъ тайнъ сердца, мистики человѣческой личности, потому-что такое направленіе поэзіи есть дѣйствительно романтическое. Но Жуковскій уже ввелъ въ нашу поэзію этотъ романтизмъ гораздо прежде, нежели слово «романтизмъ» сдѣлалось извѣстнымъ въ нашей литературѣ. И однакожъ Жуковскаго, ни тогда, ни послѣ, никто не называлъ романтикомъ : это названіе было утверждено общимъ голосомъ за Пушкинымъ, который, и по своей натурѣ и по характеру своей поэзіи, несравненно меньше Жуковскаго былъ романтикомъ. За что́ же прослылъ онъ такимъ ультра-романтикомъ? — За

то, что откинулъ, въ своихъ произведеніяхъ, всѣ старыя формы, и началъ писать элегіи и поэмы. Изъ этого ясно видно, что нашъ романтизмъ никогда не былъ ни чѣмъ другимъ, какъ реакціею стѣснительнымъ и условнымъ формамъ, занятымъ нашею литературою у французской литературы. Новѣйшій классицизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ усиліемъ поддѣлываться подъ формы древнихъ литературъ, греческой и латинской, произведенія которой были признаны *классическими*, т. е. образцовыми, такими, которыя могли читаться въ училищахъ, въ *классахъ*, какъ непогрѣшительные образцы, достойныя подражанія. Потомъ дошли до убѣжденія, что писать хорошо можно не иначе, какъ рабски подражая древнимъ. Разумѣется, подражать древнимъ можно было только въ формѣ, а не въ духѣ, но и это не могло не вредить добровольнымъ подражателямъ, потому-что это значило новый духъ заковывать въ старыя и чуждыя ему формы. Такъ и было во Франціи. Но французскіе писатели, подражая древнимъ, на зло самимъ-себѣ и безъ собственнаго вѣдома, оставались вѣрными своему національному духу, тогда-какъ ихъ подражатели, думая быть Греками и Римлянами, были ровно ничѣмъ. Объ уравновѣшеніи природы и духа, выражавшемся въ пластически-прекрасной формѣ, никто не имѣлъ не малѣйшаго понятія, а всѣ твердили только о знаменитомъ тріединствѣ, плохо понятомъ изъ Аристотеля. Толковали, правда, и тогда, что въ классическомъ искусствѣ форма пре-

обладаетъ надъ идеею, а въ романтическомъ, наоборотъ — идея надъ формою. Но это, во-первыхъ, не совсѣмъ было вѣрно въ отношеніи къ древнему искусству, потому-что въ немъ видно было примиреніе духа съ природою, уравновѣшеніе идеи съ формою, а не перевѣсъ формы надъ идеею. Равнымъ образомъ, не совсѣмъ вѣрно судили и о романтизмѣ, считая его представителями не только Шекспира, но и Байрона, — тогда-какъ истинные представители романтизма были трубадуры и менестрели, а изъ извѣстныхъ поэтовъ развѣ только Петрарка и Дантъ, первый въ своихъ сонетахъ, исполненныхъ мечтательной идеальной любви, а второй въ своей чудовищной и тѣмъ не менѣе великой поэмѣ, исполненной католическихъ тенденцій и богословскихъ аллегорій, и такъ полно отразившей въ себѣ всю уродливо-величавую жизнь среднихъ вѣковъ. Новѣйшее искусство скорѣе должно стремиться подойти къ древнему, нежели къ романтическому, оставаясь въ сущности равно ни тѣмъ, ни другимъ. Все это теперь ясно какъ день. Но тогда вопросъ былъ многосложенъ, и спорящія стороны не понимали ни себя ни другъ друга. Какъ ни бросались въ философію, что ни твердили о внѣшнемъ и внутреннемъ, о формѣ и идеѣ, но главнымъ вопросомъ все-таки оставалось освобожденіе отъ условныхъ привилъ, безъ нужды стѣснявшихъ вдохновеніе и отдалявшихъ искусство отъ естественности, самобытности и народности.

Вопросъ стоилъ споровъ, дѣло стоило битвы. Теперь на этомъ полѣ все тихо и мертво, забыты и побѣжденные и побѣдители; но плоды побѣды остались, и литература навсегда освободилась отъ условныхъ и стѣснительныхъ правилъ, связывавшихъ вдохновеніе и стоявшихъ непреодолимою плотиною для самобытности и народности. И первымъ поборникомъ и пламеннымъ бойцомъ является въ этой битвѣ Полевой, какъ журналистъ, публицистъ, критикъ, литераторъ, бельлетристъ.

Московскій Телеграфъ былъ явленіемъ необыкновеннымъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, ни гдѣ не учившійся, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала, — и его журналъ, съ первой же книжки, изумляетъ всѣхъ живостію, свѣжестію, новостію, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностію въ каждой строкѣ однажды принятому и рѣзко выразившемуся направленію. Такой журналъ не могъ бы не быть замѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ, но среди мертвой, вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени, онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки своей издавался онъ, въ теченіи почти десяти лѣтъ, съ тою постоянною заботливостію, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энер-

гіею и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостью, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиною. И это совершилъ Полевой! Боже мой! какъ взъѣлись на него за эту мысль ученые невѣжды, безталанные литераторы, плохіе журналисты, закоснѣвшіе въ предразсудкахъ старики! И какъ усилилась эта буря негодованія и злобы умною, оригинальною, чуждою предразсудковъ критикою *Московскаго Телеграфа*, высказывавшаго свои мнѣнія прямо, не смотрѣвшаго ни на какіе авторитеты! И было изъ чего сердиться на этотъ журналъ: нѣтъ возможности пересчитать всѣ авторитеты, уничтоженные имъ! И сколько было тогда великихъ писателей, которые ничего путнаго не написали! Одинъ дубовыми стишищами переложилъ расиновскую трагедію; другой написалъ мадригалъ Лилетѣ и тріолетъ Хлоѣ; третій — дюжину плаксивыхъ стишонковъ; четвертый — сантиментальную повѣсть; извѣстность пятаго была основана на статьѣ, выкраденной изъ иностранной книги, а шестой просто выдалъ за свое сочиненіе забытый

трудъ какого-нибудь стараго русскаго писателя. *Московскій Телеграфъ* на все навелъ справки, все вспомнилъ, все вывелъ наружу.... Многимъ сказалъ онъ, что ихъ сочиненія, въ свое время, могли имѣть свою относительную цѣнность, но что время ихъ прошло, и что теперь мальчики пишутъ лучше ихъ, заслуженныхъ и знаменитыхъ авторовъ. На все на это нужно было тогда много смѣлости : въ то время самое легкое замѣчаніе не въ пользу автора или сочиненія принималось за брань и ругательство и служило поводомъ ко множеству критикъ, антикритикъ, рекритикъ, отвѣтовъ, возраженій и пр. Считавшіе себя обиженными, не забывали этого; а кому пріятно имѣть безчисленное множество враговъ, иногда просто изъ ничего? Да, для этого нужно было больше, чѣмъ смѣлость — нужно было самоотверженіе. Особенную ненависть навлекъ на себя Полевой со стороны ученаго люда, учившагося по старымъ книгамъ и не подозрѣвавшаго, что могутъ быть новые и лучшіе. Тогда–то раздались ожесточенные вопли: да что онъ, да кто онъ, гдѣ онъ учился, гдѣ его аттестаты, какія его ученыя званія? онъ купецъ, торгашъ, самоучка, всезнайка и т. п. Повѣрятъ ли, что многіе «ученые», въ своихъ выходкахъ противъ Полеваго, не стыдились дѣлать намеки на его водочный заводъ — пятно, какъ сказалъ Пушкинъ, ужасное, какъ извѣстно, всему нашему дворянству!... Вотъ что́, напримѣръ, было сказано, между прочимъ, о Полевомъ въ Вѣстникѣ Европы (1828 года, № 23,

стр. 199): «Онъ прикидываетъ къ нимъ (къ поэ-«тамъ) *волчокъ* критики съ размаху, и опредѣляетъ «мигомъ, сколько въ нихъ поэтическаго *угара*»....

Загляните въ современные *Московскому Телеграфу* журналы, — и вы подумаете, что Полевой не умѣлъ иначе говорить, какъ страшными ругательствами, что журналъ его былъ складочнымъ мѣстомъ полемики дурнаго тона, брани, дерзостей, лжей. Но пересмотрите *Московскій Телеграфъ* хоть за все время его существованія, — и вы увидите, что всегда, въ жару самой запальчивой полемики, онъ умѣлъ сохранять свое достоинство, уважать приличіе и хорошій тонъ, и что въ самыхъ любезностяхъ его противниковъ было больше грубости и плоскости, нежели въ его брани. Мы пишемъ не панегирикъ, не эклогу, а характеристику замѣчательнаго дѣятеля на поприщѣ русской литературы, и потому мы не скажемъ не только того, чтобы Полевой никогда не ошибался, но и того, чтобы онъ всегда былъ безпристрастенъ въ отношеніи къ своимъ противникамъ, всегда умѣлъ отдавать имъ должную справедливость. Нѣтъ, онъ былъ человѣкъ, и притомъ постоянно раздражаемый самыми возмутительными въ отношеніи къ нему несправедливостями, ошибался и бывалъ не правъ; но въ исторіи человѣческихъ дѣлъ вопросъ не въ томъ, кто былъ безупреченъ и непогрѣшителенъ, а въ томъ, кто болѣе другихъ, относительно, по возможности, былъ справедливъ, или у кого сумма добраго стремленія и добрыхъ дѣлъ если не перевѣ-

шиваетъ недостатковъ и слабостей, то искупляетъ ихъ.... И въ этомъ отношеніи, издатель *Московскаго Телеграфа*, смѣло могъ бы разсказать всему свѣту исторію своихъ отношеній къ противникамъ, не скрывая своихъ промаховъ и ошибокъ, смѣло могъ бы одинъ противостать цѣлой ихъ фалангѣ.... Наведя справки, не трудно убѣдиться, что полемики въ *Московскомъ Телеграфѣ* было не много, по-крайней-мѣрѣ меньше, нежели въ каждомъ изъ современныхъ ему журналовъ, не говоря уже о томъ, что его полемическія статьи всегда были умны, дѣльны, остроумны, ловки и приличны. И потому, причину общаго ожесточенія противъ этого журнала должно искать не столько въ полемическихъ статьяхъ, сколько въ его критикѣ и библіографіи, гдѣ правда высказывалась столько же прямо, сколько и прилично, отъ чего и кусалась больнѣе. До *Телеграфа*, въ нашей журналистикѣ уклончивый тонъ принимали за одно съ вѣжливымъ; старались какъ можно меньше говорить о писателяхъ и сочиненіяхъ, а если говорили, то съ тѣмъ, чтобы хвалить общими избитыми фразами. Полевой показалъ *первый*, что литература — не игра въ фанты, не дѣтская забава, что исканіе истины есть ея главный предметъ, и что истина — не такая бездѣлица, которою можно было бы жертвовать условнымъ приличіямъ и пріязненнымъ отношеніямъ. Изъявить публично такой образъ мыслей въ то время значило сдѣлать страшную дерзость и выказать себя человѣкомъ «безпокойнымъ»

т. е. хуже, чѣмъ безнравственнымъ. Многія раздѣляютъ людей, въ нравственномъ отношеніи, на благонамѣренныхъ и безпокойныхъ: первые не мѣшаютъ другимъ обдѣлывать свои дѣлишки, каковы бы онѣ ни были, лишь бы только и имъ никто не мѣшалъ въ тихомолчку заниматься тѣмъ же самымъ; вторые никакъ не могутъ вытерпѣть, чтобы не заговорить громко, узнавши, что ихъ сосѣдъ, посредствомъ справокъ и отношеній, пустилъ по міру цѣлое семейство, или,

Когда весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой
Ни за женой —
А смотришь помаленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.

И въ литературномъ мірѣ, даже и теперь, «благонамѣренныхъ» несравненно больше, нежели «безпокойныхъ», а въ то время, т. е. до *Телеграфа*, послѣднихъ почти вовсе не было. И потому, очень естественно, что этотъ журналъ многимъ казался чудовищнымъ явленіемъ, именно потому, что здравый смыслъ, образованный вкусъ и истину ставилъ выше людей и ради ихъ не щадилъ авторскихъ самолюбій. Теперь съ трудомъ можно повѣрить, чтобы когда-нибудь могло быть такимъ образомъ и до такой степени: и это опять заслуга Полеваго, и заслуга великая!

Это обстоятельство опять указываетъ на рѣзкое различіе роли Полеваго отъ роли Карамзина на одномъ и томъ же, впрочемъ, поприщѣ. Карамзинъ

не былъ связанъ прошедшимъ, и ему не съ чѣмъ было бороться, почему онъ и не оскорбилъ ни чьего самолюбія, не возбудилъ ни чьей вражды къ себѣ, кромѣ завистниковъ, блѣдный рой которыхъ скоро долженъ былъ исчезнуть при быстрыхъ успѣхахъ его славы и при общей любви къ нему большинства образованнаго общества. Обстоятельства, положеніе литературы, дали Полевому роль бойца. Онъ не столько утверждалъ, сколько отрицалъ, не столько доказывалъ, сколько оспаривалъ. Кромѣ того, во время Карамзина было не до идей и вопросовъ, первыхъ никто не спрашивалъ, вторыхъ не было, общество было для нихъ еще слишкомъ молодо, неразвито и безсознательно. Спорили о фразахъ, хлопотали о правильности и чистотѣ языка, и всѣ вопросы заключались въ стилистикѣ. Во всемъ остальномъ, дѣло шло о томъ, чтобы педантическую, школьную литературу сдѣлать свѣтскою, общественною и общительною, равно привлекательною и для кабинетнаго труженика, и для дѣловаго человѣка, и для свѣтскаго щеголя и свѣтской дамы. И Карамзинъ это сдѣлалъ не теоріями, не спорами, а образчиками сочиненій, которыхъ требовалъ духъ времени. Онъ былъ знакомъ хорошо и съ французской, и съ нѣмецкой, и съ англійской литературами, но ихъ вліяніе на него было больше внѣшнее, нежели внутреннее. Идеи XVIII вѣка не волновали его, по-крайней-мѣрѣ, этого не замѣтно въ его сочиненіяхъ. Фонвизинъ, предшественникъ Карамзина, гораздо больше его былъ сы-

номъ своего вѣка. Карамзинъ занялъ у XVIII вѣка только сантиментальное направленіе, и обожаніе природы, которую называлъ онъ Натурою, тоже сантиментальное, но не пантеистическое; о любви и всѣхъ сердечныхъ склонностяхъ говорилъ онъ какъ будто съ голосу Руссо, но въ сущности смотрѣлъ на нихъ не больше, какъ на извинительныя слабости человѣческаго естества. Вотъ все, чѣмъ ограничилось вліяніе на него вѣка. Но черезъ двадцать-пять лѣтъ явились уже другія потребности, явилось стремленіе къ сознанію, къ изслѣдованію, къ анализу. Захотѣли узнать, что такое Шекспиръ и Байронъ, Данте и Сервантесъ, Гёте и Шиллеръ, что такое Востокъ и классическая древность, что́ такое Философія, политическая экономія и т. д., и все это свели на вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ, или, по-крайнѣй-мѣрѣ, кстати и некстати всѐ это привязали къ нему.

Всѣ новыя идеи, возникшія въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка смутно доходили до русской любознательности и смутно отражались въ ней. Это было время, когда хотѣли ломать и строить, но на половинѣ ломки останавливались, чтобы сдѣлать новую надстройку, а на половинѣ стройки останавливались, чтобы кончить по старому. Это была эпоха чистопереходная. И *Телеграфъ*, вѣрный своему названію, былъ полнымъ представителемъ этой эпохи. Въ немъ было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности, онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями умственнаго развитія въ Ев-

ропѣ и тотчасъ же передавалъ ихъ такъ, какъ онѣ отражались въ его понятіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ все въ немъ было неопредѣленно, часто смутно, а иногда и противорѣчиво. Это давало полную возможность придираться къ нему людямъ, стоявшимъ внѣ умственнаго движенія своей эпохи. И они нешутя считали себя неизмѣримо выше Полеваго, и съ важностію ловили и высчитывали его обмолвки, промахи, ошибки, не понимая, что ихъ преимущество надъ нимъ состояло только въ томъ, что они спали, а онъ жилъ и дѣйствовалъ: кто спитъ, тотъ разумѣется, не грѣшитъ, особенно если спитъ такъ крѣпко, что и во снѣ ничего не видитъ.... Они гордо величали его то самоучкою, то недоучкою, и на основаніи его ошибокъ (а часто и того, что́ только имъ казалось ошибками, т. е. чего они не въ состояніи были понять) доказывали, что онъ невѣжда и шарлатанъ. Правда, онъ учился самоучкою, и то̀, что́ другимъ давалось безъ труда, досталось ему страшными усиліями; но если этотъ путь къ знанію не могъ не повредить Полевому, болѣе или менѣе разладивши его съ систематичностію и медотою, за то и принесъ ему большую пользу: спасъ его отъ школьныхъ предразсудковъ, отъ педантизма и образовалъ изъ него публициста, которому нужно имѣть дѣло не съ аудиторіею, а съ обществомъ. Его все интересовало, ко всему влекло, и онъ учился съ жаромъ, съ упорствомъ, съ настойчивостію; но этотъ энциклопедизмъ, эта жажда всезнанія, при житейскихъ заботахъ, при изданіи

журнала, естественно, не допускала его углубиться въ какой-нибудь исключительный предметъ, сдѣлаться ученымъ. Неопредѣленность идей (свойство той эпохи) и поверхностность многосторонняго знанія (результатъ энциклопедическаго направленія и самообразованія) отзывались во многомъ, что́ писалъ онъ, особенно въ его философскихъ воззрѣніяхъ; но онъ равно былъ чуждъ и невѣжества и шарлатанства, въ которыхъ его обвиняли противники. Натура живая и воспріимчивая, онъ страстно увлекался всѣми современными идеями, и его можно было обвинять только въ томъ, что онъ часто понималъ ихъ по своему, но не въ томъ, чтобы онъ говорилъ о нихъ, не понимая ихъ. Журналистъ и бельлетристъ по призванію, человѣкъ практическій по своей природѣ, онъ всегда былъ ясенъ и опредѣленъ, когда не бросался въ теорію, но говорилъ просто, какъ человѣкъ со вкусомъ, съ здравымъ смысломъ и съ образованіемъ. Нѣмецкая философія сильно занимала его умъ, но онъ знакомился съ ея идеями не изъ прямаго источника, недоступнаго для диллетантовъ и любителей философіи, а изъ популярныхъ лекцій Кузена, — и его главная ошибка тутъ состояла въ томъ, что этого бельлетриста философіи онъ принялъ за главу философическаго движенія, будто бы, скончавшагося въ Германіи съ Шеллингомъ. Даже и въ этомъ отношеніи, можетъ быть, составляющемъ самую слабую сторону образованія Полеваго, нельзя не удивляться его тревожной любознательности, за все

хватавшейся, ко всему стремившейся, ничего не оставившей безъ вниманія. Вмѣстѣ съ нимъ много вышло на литературную арену людей, основательно-учившихся и потомъ называвшихъ себя «учеными»; всѣ они были противъ него одного; но что́ же сдѣлали они, или что́ они дѣлаютъ теперь?... Гдѣ свершеніе тѣхъ надеждъ, которыя они подавали?... Чрезъ два года послѣ *Московскаго Телеграфа* явился *Московскій Вѣстникъ*, за нимъ *Атеней* и *Галатея*, даже дряхлый *Вѣстникъ Европы* оживился, ударился въ ожесточенную полемику, схватился за ѳеорію и даже фiлософію, потомъ всѣ они соединились въ *Телескопѣ*, чтобы сильнѣе ударить на своего общаго врага; но они могли только поднять его своими нападками, ничего не сдѣлавши ни для себя, ни для публики....

Сначала въ *Телеграфѣ* принимали участіе, хотя и не большое, даже Жуковскій и Пушкинъ, и весьма значительное участіе принималъ въ немъ князь Вяземскій. Но вскорѣ участь этого журнала стала зависѣть только отъ дѣятельности и таланта его издателя, постоянно вспомоществуемаго только своимъ братомъ, К. А. Полевымъ; но журналъ отъ этого не упалъ, а годъ отъ году становился лучше. Этаго мало: его не уронили даже двѣ важныя ошибки его издателя. Первая изъ нихъ была — примиреніе съ однимъ петербургскимъ журналомъ и одною петербургскою газетою, послѣ продолжительной и постоянной войны съ ними. Такъ-какъ эта война дѣлала особенную честь *Телеграфу*,

то примиреніе не могло не окомпрометировать его. Эта важная ошибка была слѣдствіемъ другой, еще важнѣйшей. Въ 1829 году, Полевой напечаталъ въ своемъ журналѣ критическую статью объ *Исторіи Государства Россійскаго*. Статья была превосходно написана, мѣра заслугъ Карамзина оцѣнена въ ней была вѣрно, безпристрастно, съ полнымъ уваженіемъ къ имени знаменитаго писателя. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ явилось въ *Телеграфѣ* объявленіе о скоромъ выходѣ *Исторіи Русскаго Народа*. Тогда поднялась противъ Полеваго страшная буря: его статья объ исторіи Карамзина объяснялась его противниками, какъ предисловіе къ объявленію о подпискѣ на собственную исторію. Но всѣ эти вопли Полевому легко было сдѣлать ничтожными и обратить къ собственной чести и къ предосужденію своихъ противниковъ: ему стоило только всегда сохранять тонъ должнаго уваженія къ Карамзину, даже доказывая его ошибки; но онъ не вытерпѣлъ — и досаду на своихъ противниковъ сталъ вымѣщать на исторіи Карамзина. *Исторія Русскаго Народа* явилась съ двойнымъ текстомъ: въ одномъ была исторія, а въ другомъ довольно нехладнокровныя нападки на Карамзина, и каждому изъ этихъ текстовъ было отведено ровно по полустраницѣ.... Пожалѣемъ о слабости замѣчательнаго человѣка, оказавшаго литературѣ и общественному образованію великія заслуги; но не будемъ оправдывать его слабости, или называть ее добродѣтелью....

Къ этой же эпохѣ *Телеграфа* относится и принятіе имъ въ свои сотрудники одного писателя, съ его статьями, многоглаголивыми, широковѣщательными, плоскими и пошлыми, въ которыхъ подъ формою ратованія за новое, скрывались отсталость и страшная ограниченность въ понятіяхъ.... Но *Телеграфъ* вынесъ и этотъ сильный ударъ, имъ же самимъ нанесенный себѣ: не смотря на все это, онъ не падалъ, а улучшался. Причина этого заключалась въ личности его издателя. Онъ былъ литераторомъ, журналистомъ и публицистомъ не по случаю, не изъ расчета, не отъ нѣчего дѣлать, не по самолюбію, а по страсти, по призванію. Онъ никогда не неглижировалъ изданіемъ своего журнала, каждую книжку его издавалъ съ тщаніемъ, обдуманно, не жалѣя ни труда ни издержекъ. И при этомъ, онъ владѣлъ тайною журнальнаго дѣла, былъ одаренъ для него страшною способностію. Онъ постигъ вполнѣ значеніе журнала, какъ зеркала современности, и «современное» и «кстати» — были въ рукахъ его по-истинѣ два волшебныя жезла, производившіе чудеса. Пронесется ли слухъ о пріѣздѣ Гумбольдта въ Россію, онъ помѣщаетъ статью о сочиненіяхъ Гумбольдта; умираетъ ли какая-нибудь европейская знаменитость, — въ *Телеграфѣ* тотчасъ является ея біографія, а если это ученый, или поэтъ, то критическая оцѣнка его произведеній. Ни одна новость никогда не ускользала отъ дѣятельности этого журнала. И потому, каждая книжка его была животрепещущею новостію, и

каждая статья въ ней была на своемъ мѣстѣ, была кстати. По-этому, *Телеграфъ* совершенно былъ чуждъ недостатка, столь общаго даже хорошимъ журналамъ : въ немъ никогда не было балласту, т. е. такихъ статей, которыхъ помѣщеніе не оправдывалось бы необходимостію.... И потому, безъ всякаго преувеличенія, можно сказать положительно, что *Московскій Телеграфъ* былъ рѣшительно лучшимъ журналомъ въ Россіи, отъ начала журналистики.

Въ 1832, 1833 и 1834 годахъ, *Телеграфъ*, нисколько не ослабѣвая ни въ энергіи, ни въ разнообразіи, ни въ достоинствѣ, тѣмъ не менѣе былъ уже въ своей апогеѣ, даже на поворотѣ съ нея. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, и, по прежнему хлопоча о движеніи впередъ, безъ собственнаго вѣдома и желанія, на перекоръ самому-себѣ, началъ принимать характеръ коснѣнія. Въ эти три года были напечаны въ немъ большіе критическіе разборы Полеваго сочиненій Державина, Жуковскаго, Пушкина, и повѣсти : *Блаженство Безумія*, *Живописецъ*, *Эмма*. Въ тѣхъ и другихъ, Полевой высказался вполнѣ, въ тѣхъ и другихъ вполнѣ выказались уголъ его зрѣнія, сгибъ его ума, характеръ его образованія, равно какъ вполнѣ отразилась его эпоха, съ ея живою дѣятельностію, безпокойнымъ тревожнымъ движеніемъ, заносчивостію, юношескимъ жаромъ, простодушнымъ убѣжденіемъ, съ полуфранцузскими тенденціями и полунѣмецкими идеями, съ поверхностію и неопредѣленностію въ понятіяхъ,

съ чувствами вмѣсто мыслей, предощущеніями вмѣсто отчетливаго сознанія, часто съ громкими словами и туманнами фразами вмѣсто теоріи, съ смѣлостію, отвагою, одушевленіемъ. Въ этихъ статьяхъ и повѣстяхъ, Полевой какъ бы поспѣшилъ представить результатъ своей журнальной дѣятельности, разомъ цѣлостно и обдуманно высказавъ въ нихъ все, о чемъ говорилъ нѣсколько лѣтъ отрывочно и случайно. Онъ какъ будто чувствовалъ, не сознавая этого ясно, что возникаетъ въ нашей литературѣ новое движеніе, ему невѣдомое и непонятное, — и торопился высказаться вполнѣ и опредѣленно. А новое между-тѣмъ дѣйствительно возникало, — и Полевой отступилъ отъ Пушкина, какъ отъ отсталаго поэта, въ ту самую минуту, когда тотъ изъ поэта, подававшаго великія надежды, началъ становиться дѣйствительно великимъ поэтомъ; съ перваго же разу, не понялъ онъ Гоголя и, по искреннему убѣжденію, навсегда остался при этомъ непониманіи....

Съ прекращеніемъ Телеграфа поприще Полеваго, какъ журналиста, было кончено, и ему слѣдовало ограничиться такъ-называемыми солидными трудами — доканчивать свою исторію, писать и издавать книги.... Но что̀ прикажете дѣлать съ неугомонною журнальною натурою? Быть столько времени и съ такимъ успѣхомъ первымъ голосомъ въ журналистикѣ — и слышать новые, дотолѣ безвѣстные голоса, которые поютъ уже совсѣмъ другую пѣсню — на это у него недостало силы

резиньироваться. Изъ журналиста онъ пошелъ въ сотрудники, разходился и вновь сходился съ журналами, въ которыхъ участвовалъ, принимался-было за редакцію новыхъ — и только доказывалъ этимъ, что время его прошло невозвратно.... При этомъ, естественно, не могъ онъ не увлекаться спорами, полемикою, выгоды которыхъ уже не могли быть на его сторонѣ.... Но довольно объ этомъ: заслуги Полеваго такъ велики, что, при мысли о нихъ, нѣтъ ни охоты, ни силы распространяться о его ошибкахъ....

О его драмахъ мы ничего не скажемъ, кромѣ того, что онѣ доказываютъ его удивительную способность быть всѣмъ въ области бельлетристики, и во всемъ дѣйствовать съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Возьмись онъ за нихъ въ началѣ, а не въ концѣ своего поприща, — и онѣ, можетъ-быть, умножили ли бы его права на общую признательность.... Повѣсти его потому именно и имѣютъ свое относительное достоинство, что явились во время. Не долго нравились онѣ, но нравились сильно, читались съ жадностью. Въ нихъ онъ былъ вѣренъ себѣ, и для него онѣ были только особенною отъ журнальныхъ статей формою для развитія тѣхъ же тенденцій, которыя развивалъ онъ и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ. То́ же должно сказать и о его романахъ, изъ которыхъ *Клятва при Гробѣ Господнемъ* отличается мѣстами замѣчательнымъ умѣніемъ пользоваться историческими источниками для романическихъ сценъ и картинъ.

Вѣренъ былъ онъ себѣ и въ своей *Исторіи Русскаго Народа:* какъ во всемъ, что̀ ни написалъ онъ, и въ ней былъ онъ журналистомъ, а не историкомъ. Въ этомъ ея слабая сторона, но въ этомъ и ея относительныя достоинства. Онъ взялся за нее не по призванію, однакожь и не изъ разсчета, какъ утверждали это его противники, а по страстному влеченію своей журнальной натуры — все представлять въ новомъ видѣ, ко всему прилагать новыя идеи. Ему казалось, что смутный хаосъ, образовавшійся въ его головѣ изъ идей Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри, очень удобоприложимъ къ русской исторіи. Это значило вовсе не понять русской исторіи, и не нужно говорить, что̀ изъ этого вышло. Истина взяла наконецъ свое, и послѣдніе томы *Исторіи русскаго народа* уже очень похожи на *Исторію Государства Россійскаго*.... Конечно, нельзя сказать, чтобы въ первой не было ничего дѣльнымъ образомъ новаго, но въ сущности исторія Полеваго только возвысила исторію Карамзина.... Это опять была ошибка, и очень важная, но ошибка, вышедшая изъ хорошаго источника, ошибка человѣка умнаго и даровитаго, думавшаго быть дальше своей эпохи, но на дѣлѣ бывшаго только однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ ея выраженій.... Въ-послѣдствіи, Полевой написалъ русскую исторію для дѣтей: это былъ трудъ простой, безъ претензій, и потому очень дѣльный и полезный, отличавшійся даже ясностію и картинностію историческаго изложенія.

Полевой родился въ купеческомъ семействѣ, и

готовился быть купцомъ. Ему было около двадцати лѣтъ отъ роду, когда рѣшился онъ учиться и образоваться. Отецъ его, человѣкъ стараго времени, неблагосклонно смотрѣлъ на его любовь къ книгамъ, и Полевой занимался ими тайкомъ. Кончивъ днемъ дѣла свои по торговлѣ, ночью, вмѣсто того, чтобы спать, принимался онъ за ученье. Не всегда могъ доставать онъ для этого огарокъ свѣчи, потому-что отецъ его запретилъ ему сидѣть по ночамъ. Не было свѣчи — онъ пользовался луннымъ свѣтомъ; доставалъ свѣчу — и затыкалъ щелки своей комнаты, чтобы предательскій свѣтъ огня не бросился въ глаза отцу. Въ такихъ страшныхъ, разрушительныхъ для здоровья трудахъ провелъ онъ три года. Въ это время написалъ онъ статью о проѣздѣ Императора Александра черезъ Курскъ и послалъ ее въ *Московскія Вѣдомости*. Статья обратила на себя вниманіе курскаго губернатора, который захотѣлъ познакомиться съ молодымъ авторомъ. Это живо затронуло самолюбіе старика-отца, и онъ позволилъ своему сыну заниматься книгами. У пьянаго дьячка началъ Полевой учиться латинскому и французскому языку и, пользуясь своею необыкновенною памятью, для начала выучилъ наизустъ цѣлый французскій лексиконъ... Эта неудержимая страсть къ ученію, эта страшная сила воли въ достиженіи цѣли и преодолѣніи препятствій, достаточно доказываютъ, что Полевой не былъ человѣкомъ обыкновеннымъ. Почти двадцати-двухъ лѣтъ началъ онъ самоучкою учиться

русской грамматикѣ : это было около 1818 года, а въ 1825 году, т. е. чрезъ семь лѣтъ, Полевой былъ издателемъ лучшаго журнала въ Россіи.... Такіе люди не часто являются, и гораздо легче попасть въ доктора всѣхъ возможныхъ наукъ, нежели сравниться съ ними....

Заключаемъ. Предлагаемая статья не есть ни памфлетъ, ни панигирикъ; мы старались безъ преувеличенія оцѣнить заслуги одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской литературы, не скрывая слабыхъ сторонъ его литературной дѣятельности, но смотря на нихъ sine ira et studio. Пусть судятъ читатели, до какой степени успѣли мы въ этомъ. Явится много толковъ о Полевомъ: одни будутъ безъ мѣры превозносить, другіе безъ мѣры унижать его, тѣ провозгласятъ его великимъ ученымъ, другіе — великимъ романистомъ и нувеллистомъ, третьи, — чего добраго! — великимъ драматургомъ; но едва ли кто-нибудь признаетъ его тѣмъ, чѣмъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ замѣчателенъ.... Такъ думаемъ мы, хорошо зная современную литературу и ея дѣятелей.... Дай Богъ, чтобы мы ошиблись въ этомъ; но, во всякомъ случаѣ, смѣемъ думать, что голосъ нашъ, упредившій другія сужденія, не будетъ безполезенъ для тѣхъ, которые возьмутся судить о Полевомъ....

LIBRARY OF CONGRESS
00025281561